

Л.П. Комягина. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. 234 с. + 198 карт.

Выход в свет "Лексического атласа Архангельской области" (далее – Атлас) представляет собой отрадное явление в тяжелое для российской науки время.

Публикация этого Атласа является чрезвычайно важным событием и в собственно лингвистическом плане, поскольку архангельские говоры принадлежат, как известно, к одной из архаических зон Славии. Здесь до сих пор можно встретить эксклюзивные для русских говоров лексемы, которые находят неожиданное продолжение в других славянских диалектах (об этом красноречиво свидетельствуют материалы Общеславянского лингвистического атласа: см., например, карты первого лексико-словообразовательного тома "Животный мир" № 11 'заяц': Zaj-Ė-c-ъ; № 15 'летучая мышь': NE/T-o-PY-rj-ъ; № 20 'дятел': Žyln-a; № 23 'куропатка': kug-o-ry-ъ; № 26 'синица' SĖn-ŭk-a и др. подробнее см. [Вендина 1995]).

Чрезвычайно важным обстоятельством является и тот факт, что Атлас существенно

восполняет материалы русского национального атласа, причем как территориально (в ДАРЯ, как известно, не вошла большая часть архангельских говоров), так и в содержательном отношении (поскольку предметом картографирования в ДАРЯ были прежде всего фонетические и грамматические диалектные различия).

В этом смысле публикация Атласа расширила наши представления о диалектных границах русских говоров. Материалы Атласа позволили впервые наметить диалектные границы русских говоров на этой территории и соотнести выделенные диалектные различия с фактами диалектной противопоставленности других русских говоров.

Материалы Атласа представляют особую ценность еще и потому, что они дают возможность пространственной интерпретации явлений субстрата (поскольку в архангельских говорах до сих пор сохраняются следы финского населения, вытесненного и

ассимилированного русскими поселенцами) и адстрата (следы длительных контактов на западе и востоке с нерусским населением). На картах атласа отчетливо выделяются и ареалы различных колонизационных потоков русских переселенцев, осваивавших Север. Особенно хорошо здесь сохранились следы новгородской культуры (иногда даже значительно лучше, чем на исконных землях).

Базой для создания Атласа послужил прежде всего материал многолетних полевых экспедиций автора, дополненный и обогащенный материалом картотек Архангельского областного словаря кафедры русского языка МГУ и архангельского педагогического университета. В этом отношении Атлас является прекрасной иллюстрацией этих материалов, публикация которых, к сожалению, затянулась на неопределенно долгое время.

Лингвогеографическое изучение автором лексикой архангельских говоров имеет давнюю историю. Впервые оно было начато более тридцати лет назад, когда Л.П. Комягина обследовала первые 15 опорных пунктов Архангельской области и выявила диалектные различия. В дальнейшем личные полевые исследования автор сочетал с широко распространенным в диалектологии и этнографии стационарным методом (когда практикуется "вживание" собирателя в быт исследуемого говора) и методом анкетирования. Использование анкетного метода позволило Л.П. Комягиной за два года заполнить вопросник Атласа (который содержал более пятисот вопросов) на всей территории Архангельской области. Таким образом был получен материал, относящийся к одному синхронному срезу и отвечающий требованиям сопоставимости.

Работая над вопросником атласа и отбором материала, Автор поставил перед собой задачу "проследить на большом лексическом материале, удастся ли установить в области лексических явлений, относящихся к разным тематическим группам, постоянные, повторяющиеся границы распространения большого числа слов, а потом сопоставить, как соотносятся наши выводы о диалектном членении региона на основе лексического материала с данными смежных наук (антропологии, фольклора и т.д.)" [Комягина 1992: 32]). И надо сказать, что с этой задачей Л.П. Комягина справилась блестяще.

В решении этой задачи немаловажную роль сыграл удачный выбор сетки Атласа, насчитывающей 185 пунктов: в некоторых

случаях расстояние между пунктами не превышает 5 км, иногда же одному пункту на карте соответствует несколько деревень, находящихся на расстоянии 1–2 км, что повышает не только плотность обследования территории, но и степень достоверности материала (см., например, пункты 9а, 9б, 9в, 9г или 107а, 107б, 107в, 107г). Особенности расселения русского населения на территории Архангельской области (которое не образует сплошного массива, поскольку в северной части области население сосредоточено главным образом вдоль больших рек и по побережью Белого моря, тогда как в междуречьях и тундре сохранились огромные незаселенные пространства) определили выбор пунктов, предназначенных для картографирования. "Для обследования выбирались деревни с коренным русским населением, расположенные в стороне от промышленных предприятий, где в меньшей степени сказалось влияние литературного языка и других диалектов и где сохранился коллектив, для которого средством общения является родной говор" (с. 3). Территориальная привязанность населенных пунктов, входящих в сетку Атласа, к водным артериям дала возможность наглядно проиллюстрировать известное положение диалектологии о роли географического ландшафта, и в частности, рек в процессе формирования диалектных групп и распространения языковых явлений.

Атлас содержит 198 карт, большую часть которых составляют лексические и семантические. Две карты обозначены автором как фонетические (карта № 40 'произношение слова *дрова*' и № 168 'произношение слова *сковорода*'). Число их, однако, можно увеличить за счет карт №№ 107, 136, 163, поскольку на них эксплицируются различия, связанные, по сути дела, с фонетическими вариантами картографируемых лексем (ср. *серп* ~ *церп* ~ *черп* карта № 107; *улица* ~ *улиця* карта № 105; *заборки* ~ *забворки* карта № 136; *крынка* ~ *крынка* карта № 163); две карты – собственно словообразовательные (карта № 4, где эксплицируются различия в территориальной дистрибуции словообразовательных гнезд лексем *коч* и *клоч* в значении 'кочка', а также карта № 24 'зимняя дорога', репрезентирующая ареальное противопоставление суффиксов *-ник* и *-арь* в названиях зимней дороги: *зимник* ~ *зимарь*); несколько карт могли бы быть лексико-словообразовательными, но, к сожалению, остались только лексическими, поскольку словообразовательные различия не получили на них последовательного картографического выражения (см. карты

№ 39 'козлы, подставка для пилки дров': одним картографическим знаком передаются такие названия с корнем *кобыл-*, как *кобылка*, *кобылина*, *кобылица*; № 46 'лопатка с зубьями для сбора ягод': ср. названия с корнем *граб-*: *грабилка*, *грабуля*, *грабулька* или *бир-*: *набируха*, *набирушка*, которые картографически не дифференцируются и др.); около 10 карт – лексико-этнографические, предметом которых являются либо изопрагмы (см., например, карту № 56, где изопрагмой обозначена юго-западная граница сплошного распространения косы с короткой изогнутой ручкой), либо реалемы и репрезентирующие их лексемы (см. карту № 66, где с помощью знаковых средств передано распространение различных способов переноски сена на лугу с помощью двух жердей и названия самих жердей); завершают Атлас обобщающие карты, синтезирующие материал всего тома и репрезентирующие диалектные ареалы (см., например, карту № 192 'онежский ареал' или № 194 'северо-восточный ареал' с вычленением ядра и периферии) или пучки изоглосс (см., например, карты № 197 и № 198, посвященные Двинским и Важским изоглоссам).

В тематическом отношении карты Атласа распределяются на несколько неравноценных групп. Поскольку большинство карт имеет такую формулировку, как "распространение слова..." (см. карты №№ 1, 2, 4, 5, 9, 14, 16–20, 22, 23 и др.) или "распространение и значение слова" (см. карты №№ 3, 6, 7, 8, 10–13, 15, 21, 33, 34 и др.), то семантическая ориентированность той или иной карты часто четко не обозначена, в связи с чем невозможно однозначно решить вопрос о ее тематической принадлежности (см. например, карту № 21 'распространение и значение слова *тайбола*': картографируются значения 'густой дремучий лес' (растительный мир?), 'трясина', 'место покоса' (*potina loci*?) или карту № 25 'распространение слова *пашина*': 'настил для проезда по болоту' (предметы, связанные с хозяйственной деятельностью человека?) и 'низкорослый лес' (растительный мир?), карту № 51 'распространение и значение слова *шалга*': 'лес' (растительный мир?), 'колодка грабель с зубьями' (*potina instrumenti*?) и т.д.). Проведенный нами анализ показал, однако, что большинство карт (~100) посвящены названиям предметов, так или иначе связанных с крестьянским бытом, хозяйственной деятельностью человека: среди них особенно много *potina instrumenti* (ср. карту № 113 'распространение и название цепа',

№ 115 'орудие для разминания стеблей льна', № 120 'ручное орудие окучивания' и др.), названий корзин (ср. карту № 150 'сплетенная из дранки большая корзина для переноски травы, сена', № 151 'заплетная корзина из бересты с крышкой', № 153 'распространение слова *нагрузка* "ручная корзина"', № 158 'распространение слова *кроши* "заплетная корзина"' и др.), различного рода сосудов (ср. карту № 149 'берестяной сосуд цилиндрической формы', № 154 'распространение слова *бурак* "берестяной сосуд цилиндрической формы"', № 163 'глиняный широкий сосуд для хранения молока' и др.), а также снопов, стогов, скошенной травы, сена (ср. карту № 109 'верхний сноп в малой кладке', № 110 'большая кладка снопов', № 64 'сено, испортившееся на верху стога', № 65 'распространение слова *одонок*, *одеёнок* "нижняя часть стога"', "испортившееся сено в нижней части стога"' и др.).

Значительно скромнее представлена группа имен, связанных с самим человеком (см. карты № 93 'няня', № 99 'распространение слов *тата*, *тата*, *тятя* "отец", № 100 'работать', № 94 'играть в прятки', № 96 'играть в жмурки').

Небольшой блок карт посвящен названиям пищи и ее приготовлению (см. карты № 178 'кислое тесто', № 179 'распространение слова *волога* 'сдоба', 'съестные припасы', 'жидкая пища', № 176 'картофельные очистки'), а также названиям одежды человека (см. карты № 181 'распространение слова *оболочка* "верхняя одежда"', № 183 'часть брюк, надеваемая на одну ногу', № 189 'вязанные варежки', № 191 'верхние рукавицы').

В названиях большинства остальных карт (~40) имплицитно или эксплицитно выражена сема 'место', причем это могут быть как названия ландшафта (ср., например, карту № 1 'распространение слова *угор*', где картографируются значения 'холм', 'гора', 'склон горы', 'высокий берег реки', 'склон по берегу реки' или карту № 5 'распространение слова *веретья* в значениях "возвышенное сухое место" и "удлиненная возвышенность"', так и названия мест, обработанных человеком (ср. карту № 37 'распространение и значение слова *репище* "участок, засеянный репой", "участок, расчищенный в лесу под пашню", "огород" или карту № 104 'распространение слова *обод* "огороженное поле", "огороженный луг", № 119 'огород' и др.).

Остальные тематические группы лексики

представлены единичными картами: *растительный мир* репрезентируют в основном карты, посвященные общим названиям леса (см., например, карту № 9 'распространение слова *рем* "густой дремучий лес", "лес на болоте" или карту № 23 'распространение слова *согра* "перелесок", "заболоченный лес"; № 26 'распространение слова *кореньга* "нестройной лес" и др.) и лишь одна карта – отдельному виду деревьев (см. карту № 29 'распространение слова *негла* "лиственница"); названия ягод, цветов, трав в Атласе отсутствуют, названия грибов представлены лишь двумя картами – № 44 'значение слова *волнуха*' и № 45 'распространение и значение слова *волденица*'; *животный мир* репрезентируют только две карты – № 70 'стрекоза' и № 71 'паук'; немногим лучше представлена и *метеорологическая лексика* (см., например, карты № 82 'хорошая погода летом', № 83 'распространение слова *морок* "грозовая туча", "мелкий дождь", "плохая погода", № 84 'иней', № 86 'распространение слова *торок, торох* "сильный ветер, ураган", № 89 'распространение слов *север, северик* "северный ветер").

Чувствуется, что при отборе лексики для картографирования автор руководствовался не системным, а дифференцированным подходом (что, кстати, находит отражение и в картографическом решении некоторых карт, см., например, карту № 118 'кочан капусты', где картографируются слова *кочень, клуб, клубок, вилок* и не картографируется слово *кочан* или карту № 126 'охотиться в лесу': картографируются слова *лесовать, полесовать, промышлять* и не картографируется слово *охотиться*, карту № 161 'скалка': картографируются слова *скало, скально, пиржник, валец, сочельник*, а слово *скалка* не картографируется и т.д.), стремлением представить в Атласе только регионализмы, причем нередко лишь эксклюзивные.

Такой подход к картографируемому материалу во многом обедняет Атлас, причем как в содержательном отношении, так и в лингвоареальном: общерусские изоглоссы часто искусственно обрываются, что не позволяет рассмотреть архангельские говоры в общерусском и шире – в общеславянском контексте.

Неудачным представляется и картографическое решение ряда карт. Карты, входящие в Атлас, сам автор определяет как "карты символов", "карты изоглоссы", "карты площадей", "комбинированные карты", "сводные карты изоглоссы" и "сводные карты

площадей". Карты символов показывают распространение того или иного явления при помощи пунсонов, условных значков у каждого населенного пункта". На карте изоглоссы "обозначены границы явлений", на картах площадей – "территория распространения какого-либо явления", которая, как правило, закрашивается или заштриховывается, на комбинированных картах "заштрихованная площадь показывает ареал интенсивного распространения языковых черт, а за пограничной линией такие же факты, не имеющие сплошного распространения, обозначены при помощи пунсонов", сводные карты изоглоссы "позволяют сравнивать приблизительные радиусы проявления диалектных черт, их скрещение и соотношение", на сводных картах площадей показаны "ареалы, определяемые по пучкам изоглоссы разного радиуса" (с. 4–5). "Основное противопоставление (т.е. единственное или главное для данной карты) обозначается цветом, дополнительные противопоставления (чаще всего это название одного корня, но с различными словообразовательными элементами) передаются разными фигурами" (с. 5).

Несмотря на такую, четко выраженную, позицию автора, картографическое решение ряда карт вызывает возражения.

Нам уже приходилось писать о системном подходе к выбору картографических средств и в связи с работой над "Лексическим атласом русских народных говоров" и в рецензии на "Лексический атлас Московской области" А.Ф. Войтенко (см. [Вендина 1992; 1993]). Такой подход к картографическому решению карт позволяет не только представить структурную интерпретацию материала, но и отразить на карте многоплановые противопоставления (второй, третьей и последующей ступени), а также их иерархию, поскольку сама система знаков на карте определенным образом иерархизирована (о способах установления иерархии диалектных противопоставлений см. [Вендина 1994]). Одним из требований при выработке знаков, репрезентирующих выявленные диалектные различия, является соблюдение типологической соотнесенности графических средств как в рамках одной, так и на различных картах, поскольку выбор обозначения первого члена ареальной оппозиции предопределяет все последующее решение карты. Только в этом случае технические средства, используемые на карте, будут подчинены раскрытию ее лингвистического содержания.

К сожалению, этот принцип автором

часто не выдерживается (возможно, это связано с тем, что он ограничил арсенал используемых картографических средств: на большинстве карт Атласа основным картографическим знаком является круг). Так, например, на карте № 50 'распространение слова *ластега*' одним картографическим средством (●) переданы два значения слова: 'планка в ткацком станке' и 'сосновая дранка для плетения корзин'; такая же ситуация на карте № 1 'распространение слова *угор*', которое бытует в архангельских говорах в следующих значениях: 'холм', 'склон горы', 'высокий берег реки', 'склон по берегу реки', причем если на карте № 50 в комментарии расшифровывается территориальная дистрибуция значений картографируемой лексемы, то в комментарии к этой карте об этом ничего не сообщается. Неясным остается и картографическое решение карты № 6 'распространение и значение слова *корга*': одним картографическим знаком (кругом с разными заливками) передаются следующие значения слова: 'отмель', 'каменистый остров', 'овраг', тогда как производное *коржина* в значении 'отмель' передается уже треугольником. Думается, что все эти погрешности во многом объясняются неудачными формулировками темы карты: в заглавие одних карт выносятся название 'распространение и значение слова...', в название других – только 'распространение слова...' или только 'значение слова...'. В связи с этим читателю остается неясным, почему в одних случаях значение слова элиминируется автором при картографировании, а в других получает картографическое выражение (ср., например, карту № 9 'распространение слова *рем*', где разными картографическими средствами переданы значения 'густой дремучий лес' и 'лес на болоте' и карту № 83 'распространение слов *морок*, *морочить*', где одним картографическим знаком переданы такие разные значения, как 'грозовая туча', 'мелкий дождь', 'плохая погода').

Неудовлетворительным является и решение ряда семантических карт. Составление семантических карт является, как известно, достаточно сложным процессом. К числу наиболее распространенных способов относится способ маркирования отдельным символом каждого значения (или лексико-семантического варианта) слова (см. [Вешторт 1971; Клепикова 1968; Коннова 1974]). Этот способ нередко ведет к перегрузке карты, поскольку у одного населенного пункта может стоять от одного до пяти

картографических знаков (см., например, карту № 7 'распространение и значение слова *рада*, *райда*, *сурадок*' или карту № 51 'распространение и значение слова *шалга*', где у большинства населенных пунктов стоит два, а в некоторых три знака). Поэтому в картографической практике нередко используется иной способ, когда ставится один знак, имеющий в разных своих частях, каждая из которых соответствует определенному лексическому значению слова, разные заливки. Чтение знака по часовой стрелке позволяет не только выявить семантический объем картографируемой лексемы, но и определить иерархию ее значений в каждом населенном пункте (общее значение, выступающее на значительной части территории, нередко передается штриховкой).

Неудачным является и решение ряда лексических и лексико-словообразовательных карт: например, на карте № 38 'кол для корчевания пней' одним картографическим знаком (○), имеющим лишь разные заливки, переданы разнокорневые лексемы *вага* (○), *стяг* (●), *анишпуг* (⦿) (то же на картах №№ 68, 80) – способ, использующийся обычно в системной картографии для передачи структурно связанных лексем; или на карте № 39 'козлы' используется не только один и тот же картографический знак (круг), но и одинаковая его заливка для передачи разноструктурных элементов, ср. *кобылка*, *кобылина*, *кобылица* (⦿). Список карт с подобной ситуацией можно продолжить (см., например, карты №№ 46, 52, 54 и др.). И наоборот, однокоренные элементы, связанные отношениями производности, нередко передаются разными знаками: см., например, карту № 53 'распространение слов *волгоса* (●), *волгосина* (▲)' – на отношения производности этих лексем указывает не только словообразовательная связь, но и ареальная, поскольку лексема *волгосина* фиксируется лишь в тех населенных пунктах, где отмечена *волгоса*. Сходная ситуация наблюдается на картах №№ 55, 70, 71, 81, 110, 119, 120, 128 и др.

Чтение карт серьезно усложняет и отсутствие в легенде указаний на условные обозначения (а также встречающиеся иногда пропуски знаков в легенде: см., например, карту № 149 'берестяной сосуд цилиндрической формы', в легенде к которой не расшифровывается знак Δ). Они, к сожалению, даются отдельно от карт, в так называемых комментариях к картам, которые, по сути дела, сводятся к дублированию

легенды. Между тем комментарии к карте представляют собой "особое произведение", цель которого дать читателю полное представление о картографируемых лексемах (их значении, фонетических вариантах, происхождении, характере распространения, причем не только в архангельских, но и других русских говорах с тем, чтобы определить хотя бы общее направление изоглосс и т.д.).

Своеобразие архангельских говоров, как указывает и сам автор, заключается в их неоднородности, в наличии следов субстрата и адстрата. В этой связи представляется, что Атлас бы только выиграл, если бы Л.П. Комягина представила на одной сводной карте или на нескольких обобщающих центральные и периферийные ареалы финского субстрата, а в комментариях дала бы характеристику картографируемым лексемам, выделив явления субстрата или адстрата.

Несмотря на эти неудачи, автор, несомненно, справился с поставленной задачей. Материалы Атласа убедительно свидетельствуют о лексической неоднородности архангельских говоров, существовании их диалектного членения. На сводных картах атласа, обобщающих материал всех карт, входящих в том, отчетливо выделяются **онежские** говоры (см., например, карты № 74 'мелкий лед в воде при ледоставе', № 82 'хорошая погода летом', № 115 'орудие для разминания льна' и др.), **юго-западные** (см., например, карты № 56 'юго-западная граница распространения косы с короткой изогнутой ручкой', № 137 'бревенчатый настил для въезда на второй этаж хозяйственной постройки', № 169 'припособление, употребляемое для передвижения больших чугунов в русской печи', № 174 'распространение слов *наблюдник* и *заблюдник*' и др.), **пиньжские** и шире **северо-восточные** (см., например, карты № 19 'распространение слова *няша*', № 52 'колодка граблей с зубьями', № 131 'сидение прялки', № 143 'сверхъестественное существо, которое, по народным поверьям, обитает в бане' и др.), **северо-западные** (см., например, карты № 54 'небольшой участок на краю поля или луга', № 57 'деревянная часть косы', № 97 'качели', № 117 'зеленые листья лука' и др.), **поморские** (см., например, карты № 81 'черпак в лодке', № 84 'иней', № 93 'няня', № 98 'качаться на качелях', и др.), **двинские** (см., например, карты № 39 'козлы, подставка для пилки дров', № 46 'лопатка для сбора ягод', № 71 'паук', № 118 'кочан капусты' и др.),

важские (см., например, карты № 25 'распространение слов *пашина*, *пашинник*', № 116 'брюква', № 149 'берестяной сосуд цилиндрической формы', № 161 'скалка' и др.). Такое лингвоареальное распределение архангельских говоров вносит существенные коррективы в существовавшее ранее представление об их диалектной дифференциации (см., например, "Опыт диалектологической карты русского языка в Европе" Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколова, Д.Н. Ушакова, М., 1915, на которой совпадение наблюдается лишь в юго-западных и поморских говорах). Причем, наиболее четко выделяется граница, проходящая по водоразделу Онеги и Северной Двины. Здесь изоглоссы образуют самый густой и плотный пучок. Материалы Атласа, таким образом, свидетельствуют о существовании в пределах региона двух основных зон — западной (бассейн Онеги и поморье) и восточной (бассейн верховьев Двины с притоками). Эти данные определенным образом коррелируют и с материалами этнографов (см. [Витов 1964]), которые западный ареал традиционно связывают с древнесовгородской колонизацией XII–XVII вв., а восточный — с ростово-суздальской.

"Лексический атлас архангельской области" является, несомненно, крупным успехом русской школы лингвистической географии. Богатейшие лексические данные Атласа, существенно дополняющие материалы ДАРЯ, позволяют читателю впервые составить общее представление об ареалогической картине диалектного ландшафта Архангельской области. Думается, что дальнейшее изучение архангельских говоров (их лексического, грамматического и фонетического своеобразия) приведет к публикации новых фундаментальных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вендина Т.И. 1992 – К проблеме ареального изображения в Лексическом атласе русских народных говоров // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992.
- Вендина Т.И. 1993 – А.Ф. Войтенко "Лексический атлас Московской области". М., 1991 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1988–1990. М., 1993.
- Вендина Т.И. 1994 – К систематизации картографических знаков в Лексическом атласе русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1992. СПб., 1994.
- Вендина Т.И. 1995 – Русские говоры в общесла-

- вянском диалектном контексте // Русские говоры в восточнославянском континууме. М., 1995.
- Вешторг Г.Ф.* 1971 – Проблема семантического микрополя и картографирование лексики // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1971.
- Витов М.В.* 1964 – Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации). М., 1964.
- Клепикова Г.П.* 1968 – Из опыта картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1968.
- Комягина Л.П.* 1992 – Об изучении лексики Архангельских говоров методами лингвистической географии // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992.
- Коннова В.Ф.* 1974 – Некоторые замечания об ответах на вопросы семантической части Вопросника ОЛА и возможности картографирования лексико-семантических различий в Общеславянском лингвистическом атласе // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1974.

Т.И. Вендина